Телеграм T.ME/rgrunews
ВКонтакте VK.COM/rgru
Одноклассники OK.ru/rg.ru

События и комментарии
rg.ru

Российская газета
www.rg.ru
27 октября 2022
четверг № 244(8892)

ПЕРСОНА У писателя Виктора Слипенчука выходит восьмитомник в издательстве «Художественная литература»

Литературное поприще как способ жизни

Игорь Михайлов

Словно унаследовав свою скромность у Евгения Баратынского («Мой дар убог, и голос мой негромок»), Виктор Трифонович Слипенчук пришел в литературу, никого не расталкивая локтями. По сегодняшним меркам — это недопустимый промах. Слипенчука не встретишь на литературных тусовках, в многочисленных лонг-листах престижных премий он нечастый гость. Вспоминается совет Розанова, данный им Пришвину: «Держитесь подальше от издательств».

И все-таки повод для интервью весьма существенный — выход в издательстве «Художественная литература» собрания сочинений Слипенчука в 8 томах. Иначе Виктор Трифонович и не согласился бы на интервью. Его слово и дело — за письменным столом. А поговорить с ним есть о чем, не часто писатель приоткрывает завесу тайны над секретами своего мастерства...

Вы начинали как поэт. Ваше первое произведение — стихотворение, было опубликовано в газете «Черниговский колхозник». Ваше стихотворение «Барабанщик» высоко оценил Ярослав Смеляков. Расскажите об этом.

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: Газету с моим стихотворением привез мой отец, Трифон Аксентьевич Слипенчук. Он ехал на подводе с колхозниками на молочно-товарную ферму и по пути заскочил домой, чтобы отдать мне газету. Точнее сказать — газетенку. Стихотворение называлось «О пастушке Петруше». Стихотворение было напечатано на вкладке — курсивом в правом углу. Я ничего не знал о публикации. Вручив газету, отец сообщил, что в ней напечатано мое стихотворение. И тут все вокруг исчезло, перестало существовать. Я и сам мгновенно отлетел куда-то, словно неведомая птица. Осталась только газета и напечатанное в ней стихотворение. Не знаю, сколько длилось мое отсутствие, потому что времени тоже не было. Хорошо помню, что прочел — В. СЛИПЕНЧУК... и все стихотворение несколько раз. Когда вернулся — отец смотрел на меня с каким-то несвойственным ему удивлением, словно вместо меня увидел кого-то другого. Я спросил — газету он возьмет с собой или оставит дома? В ответ он сказал, что газету оставляет мне, и улыбнулся. Улыбнулся такой мягкой радостной улыбкой, словно только что узнал меня по голосу и окончательно утвердился, что я — это Я, его сын. Так сказать, преодолел окончательные сомнения. Мы засмеялись. Я почувствовал, что обрадовал отца, что предметом его радости являюсь Я и мое стихотворение. Это незабываемо.

О высокой оценке Ярослава Васильевича Смелякова невозможно рассказать без подробностей.

Стихотворение «Барабанщик» написал в армии. Перед армией был приглашен в Барнаул на краевой семинар молодых литераторов — в секцию поэзии. Руководил секцией московский поэт Марк Андреевич Соболь. Ему мои произведения понравились, и он предложил подобрать стихи для первой книжки. Я сказал, что ухожу в армию, уже повестка на руках, да и хороших стихов мало. Он возразил: первая книжка — какая получится. Первая важна лишь как демонстрация, что ты пишешь стихи. С книжкой тебя хотя бы не посадят за тунеядство. А уж вторая — должна быть по-настоящему сильной. Я отказался. Сказал, что рукопись приготовлю, когда вернусь из армии.

Когда вернулся, многое изменилось. 1966 год. В родном литобъединении узнал, что в марте в Алтайском политехническом институте намечается «Третий День поэзии». Был уверен, что на выступлении поэтов встречусь с Марком Андреевичем.

От Рубцовска (место проживания) до Барнаула — пять часов поездом. Приехал и очень огорчился, что меня нет в списке выступающих. Всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. От Алтая выступали поэты Марк Юдалевич, Леонид Мерзликин и Геннадий Панов. Именно эта тройка, наверное, решила, что на подобных мероприятиях мне выступать рано. Впрочем, выяснять, что да как, да почему, времени не было. Мы с Валерой Чаптыновым, тоже поэтом, старшекурсником Алтайского сельхозинститута, отправились в политехнический — до начала оставалось менее часа. Народу было — не протолкнуться. На улицу вынесли радиоколокола. Актовый зал и все пространства вокруг были заполнены студентами. Мы с Валерой с трудом высмотрели два свободных места в последнем ряду у входа в актовый зал. Передавая Валере свой громоздкий баул, предупредил:

— Когда поэты будут проходить мимо нас, присоединюсь к ним.

— Пойдешь на сцену?! — с некоторым удивлением, но больше с восторгом спросил Валера.

— Да, пойду. Что, я напрасно пять часов трясся в тамбуре поезда?! Я такой же поэт, как все, и к тому же эта студенческая аудитория моя, понимаешь, моя!..

На праздник поэзии ожидались гости из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Новосибирска, Красноярска, Иркутска. Особенно радовали гости из Москвы — Марк Соболь и Сергей Марков.

Прежде всего, конечно, Марк Соболь.

Выступающие задерживались. И вдруг по сменившемуся гулу стало понятно — поэты на подходе. Они вошли в актовый зал под радостные аплодисменты и стук скамеек — студенты хлынули к проходу. Поэты вынуждены были идти гуськом, друг за другом. Все внимание организаторов праздника (секретарей комсомола АПИ), естественно, сосредоточилось на шествующих первыми. На идущих сзади никто не обращал внимания. Я сделал шаг и оказался замыкающим в строю. Мне представлялось, что на сцене будет возможность как-то объяснить свое нелегальное появление. Но стулья на сцене были уже расставлены, и получилось, что первые из поднявшихся на сцену оказались в последних рядах, а последние (в том числе и я) — в первых. Хорошо помню, что мне досталось место в первом ряду, причем самое видное, центральное. Впереди были только две стойки с микрофонами.

На сцене включили дополнительное освещение, а в актовом зале — пригасили. Я сел, и сразу же диктор, находящийся где-то за кулисами, пригласил к микрофону поэта из нашего ряда, кажется, из Иркутска. После него выступал мой сосед справа — поэт Зорий Яхнин из Красноярска. О чем были его стихи, не помню. Потому что за ним по порядку (слева направо) предстояло читать мне, и я, так сказать, пребывал в напряженном ожидании. Но диктор объявил не меня, а моего соседа слева. Меня пропустили как пустое место.

И что вы в этот момент почувствовали?

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: Не буду подробно останавливаться на своих чувствах. Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел.

Когда объявили пятнадцатиминутный перерыв, я не шелохнулся. Все происходящее было как бы не со мной и не касалось меня. Ощущал себя вне времени и пространства.

АКЦЕНТ

Всякие писательские тусовки хотя и приносят известность как автору, но по большому счету крадут время, мешают писать. И я стал избегать известности в любых ее формах

Во время антракта в кругу поэтов произошел спор, и, как теперь понимаю, не без вмешательства московских поэтов. С чувством высокого почтения кланяюсь в их сторону.

Вторую, заключительную часть выступления поэтов начали с меня. Когда объявили, рядом сидевший Зорий Яхнин сказал: «Прочти что-нибудь коротенькое». В его голосе чувствовалось не только пренебрежение ко всему, что могу прочесть, а еще и некая докука, исходящая от меня как неизвестного субъекта, нахально влезшего в их избранный круг.

Виктор Слипенчук: В творчестве любого писателя всё взаимосвязано. Такого не бывает, что с четверга ты поэт, а с понедельника — прозаик или публицист.

У микрофона объявил, что прочту патриотическое стихотворение — «Комсомолу». За спиной послышались обидные остроты. После прочтения вначале была тишина — всеобщая, полная. Я повернулся спиной к слушателям, чтобы сесть на свое место, и тут зал взорвался. Это были аплодисменты какого-то неудержимого ликования. В актовом зале включили свет на полную мощность. Студенты повскакивали с мест, стали требовать читать еще. В самом последнем ряду я увидел Валеру Чаптынова, он потрясал моим баулом. Я не заставил себя ждать. Но мой микрофон перехватил неожиданно выбежавший из глубины сцены Илья Фоняков, собкор «Литературной газеты» по Новосибирску. Волнуясь и ероша свою интеллигентную бороду, стал кричать в зал:

— Что вы делаете?! Чему вы радуетесь и аплодируете?! Сейчас Слипенчук оскорбил вас, а вы аплодируете — спасибо за то, что ты так замечательно, так красиво нас оскорбил?!

В ответ зал негодующе взревел. Диктор попросил всех успокоиться и вновь объявил меня. Следующее стихотворение — «Баба-Яга». И опять — буря ликования.

Теперь к возгласам из зала стали примешиваться возмущенные голоса из вестибюля: «У нас в столовой хлеб черствый, а в общежитии многие кровати без пружин! Почему в Барнауле нет Дворца спорта?! Все бассейны ютятся по подвалам хрущевок!» И еще всякое в адрес начальства. В этом кипящем вареве все бурлило, меня не отпускали от микрофона, и я сказал (был такой грех) — сегодня не мой День поэзии. И этим только добавил огня клокочущему залу.

Когда диктор объявил об окончании праздника, ко мне подошел Илья Фоняков: «Надеюсь, ты не ждешь от меня извинений?» Я промолчал, потому что не понял — о чем он?! Оказывается, Марк Андреевич Соболь потребовал, чтобы Илья Фоняков извинился передо мной за свою беспардонную выходку. Получилось, что Фоняков таким способом извинился. Впрочем, ни тогда, ни позже это не имело для меня никакого значения. Разве можно извиниться за крик души?!

Стихотворения, которые читал в Алтайском политехническом, напечатаны в моей книге стихов «Свет времени» (издание четвертое, исправленное и дополненное, 2019, с. 17, 19).

АКЦЕНТ

Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел

Утром следующего дня я уже был в колхозе «Память Ленина» (самый отдаленный и самый отстающий колхоз Рубцовского района, по свидетельству старожилов — якобы прежде именовавшийся «Шесть лет без Ленина»). В общем, моя жизнь ученого-зоотехника (я работал инспектором-организатором райсельхозуправления) вошла в обычную колею. А в Барнауле мое выступление произвело настолько сильное впечатление, что комсомольцы стали искать меня. Искать по вытрезвителям, больницам и милицейским участкам. Кто-то пустил слух, что меня арестовали. Целую неделю политехнический лихорадило. Доходило до того, что целыми группами студенты отправлялись на поиски и пропускали занятия.

Все эти события в Барнауле как-то очень быстро обернулись для меня возвращением моей рукописи стихов из Алтайского книжного издательства. Стихи оценивались недостаточно совершенными, недостаточно советскими, а некоторые даже враждебными. (В скобках замечу — моя первая книга стихов вышла в свет только в 2006 году.)

Где-то в двадцатых числах мая неожиданно пришла телеграмма, что Алтайский крайком ВЛКСМ направляет меня в Кемерово на семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала (31.05 — 07.06.1966). От Алтайского края кроме меня были командированы поэты Николай Черкасов и Геннадий Панов. В поезде узнал, что они едут на семинар, который будет возглавлять классик русской литературы поэт Василий Дмитриевич Федоров, что еще в апреле на его имя были отправлены рукописи их стихов. Получалось, крайком комсомола, хотя и оплатил мою командировку в Кемерово, конкретно не определил меня ни к кому из руководителей семинара.

По прибытии выяснилось, что меня нет ни в каких списках. Мы жили в какой-то гостинице. Участие моих сотоварищей было строго регламентировано: когда личное знакомство с руководителями секции, когда обсуждение их творчества, когда выезжают на выступления на те или иные заводы и в институты. Получалось, что меня никто не ждал и я приехал на свой страх и риск. Это стало неприятным сюрпризом, потому что неприглашенные (я это помнил по барнаульскому семинару молодых литераторов) сразу, автоматически, попадали в разряд непризнанных. А я ехал в Кемерово за признанием.

А признание спешило навстречу вам?

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: Поэты в отличие от прозаиков всегда очень быстро сближаются. И этому есть объяснение — проза для своего восприятия требует определенных условий, а стихи можно читать на память, воспринимать на ходу. Поэтому неудивительно, что так называемые непризнанные литераторы сбивались в группы, точнее сказать — в своеобразные ватаги (артели). Так легче было проникать на секции, на которых обсуждались стихи. Я примкнул к одной из ватаг, решивших побывать на семинаре под руководством Ярослава Васильевича Смелякова, Марка Андреевича Соболя и Ильи Олеговича Фонякова.

В тот день обсуждали стихи новосибирского поэта Виктора Крещика. (Марка Соболя почему-то не было.) Крещика представлял собкор «Литературки» по Новосибирску Илья Фоняков. Учитывая его положение руководителя, нетрудно было догадаться, что стихи Крещика (маленькая книжечка, выпущенная в кассете, «Старт» — Новосибирск, 1965) получат одобрение. Так и случилось. Обсуждение шло ровно, как по накатанной дороге. Преобладала гладкопись во всем, но, главное, стихи Виктора Александровича Крещика полностью соответствовали наступающему духу времени — закату оттепели.

В одном из стихотворений Виктор сравнил чабана с башней в степи. Мне сравнение показалось надуманным. Тем не менее в заключительном слове Ярослав Васильевич отметил это сравнение как понравившееся ему. И еще он сказал, что от имени руководителей семинара Виктора Крещика будут рекомендовать в СП СССР. В то время более высокой оценки творчеству молодого автора не существовало.

Виктор Крещик был одет в темный костюм, держался подчеркнуто скромно, представить его в желтой кофте Маяковского или в цилиндре с трубкой Есенина было просто невозможно.

Ватага непризнанных поэтов была не только большой, но и разношерстной. Именно в ватаге непризнанных, обмениваясь произведениями, впервые услышал и на всю жизнь запомнил: «В лаптях, в армяках в заплатах / Пошли мужики сутулясь. / Пошли мужики за Правдой. / И до сих пор не вернулись». Некоторые из непризнанных как будто нарочно никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова. Складывалось впечатление, что отныне русскую поэзию надо начинать с них.

Когда закончили обсуждение творчества Виктора Крещика, Ярослав Васильевич Смеляков, находясь в хорошем настроении, спросил аудиторию:

— Кто желает прочесть свои стихи?

Я предполагал, что будет лес рук, увы, оказался единственным.

— Давай рукопись, — сказал Ярослав Васильевич.

Ответил, что рукописи нет, могу прочесть на память. Он кивнул, и я стал читать. «Я в маленьком и сером кабинете...»

Ярослав Васильевич слушал стоя, опершись о косяк. Казалось, он приготовился уйти, не дослушав. Не скрывая неудовольствия, спросил:

— Кто-нибудь понял стихотворение?

Неожиданно отозвался Илья Фоняков:

— Я понял, — твердо сказал он.

Они коротко переглянулись — лед и пламень. Ярослав Васильевич вновь кивнул мне. Следующим прочел стихотворение «Царь».

После прочтения Ярослав Васильевич почти наполовину приоткрыл дверь (ему стало душно) и грозно взглянул на Илью Олеговича:

АКЦЕНТ

В этом кипящем вареве все бурлило, меня не отпускали от микрофона, и я сказал — сегодня не мой День поэзии. И этим только добавил огня клокочущему залу

— Может быть, и это стихотворение поэт Фоняков понял и нам объяснит?

Илья Олегович сидел у окна, вцепившись в свою бороду. Опустив глаза, как бы потупившись, сказал:

— Нет, это стихотворение я тоже не понял.

Ярослав Васильевич удовлетворенно усмехнулся и строго спросил меня:

— У тебя есть что-нибудь повеселее?

— «Барабанщик», — сказал я и стал читать.

После прочтения Ярослав Васильевич, ничего не говоря, вышел из аудитории. Илья Фоняков, как соруководитель секции, объявил, что на сегодня обсуждение закончено. И, захватив папки с рукописями, вместе с Виктором Крещиком и другими признанными «семинаристами» поспешил к выходу.

Ватага непризнанных ринулась ко мне. Видя в произошедшем вопиющую несправедливость, они пожимали мне руку и всяческими словами восхищения давали отрицательную оценку всем признанным, и в том числе руководителям семинара. Скажу откровенно, их восхищение не находило в моей душе отклика. Я чувствовал, что даже легкое одобрительное слово со стороны Смелякова, случись оно, значило бы для меня больше, чем все их славословия.

— Да кто он такой — Смеляков?! Он уже одной ногой в гробу! Все они понимают — ты идешь с новым словом, и они завидуют! Ты — гений! А они — букашки! Не дано им, понимаешь?! Лучше не печататься, чем ставить на службу им честное перо поэта.

Мы шли по длинному коридору, и я не могу сказать, что полностью не разделял их воззрений. Но — гений! Это было слишком. Я категорически не хотел быть непризнанным, тем более гением. Кто-то из окружения громко заметил — нам не туда, мы идем к буфету, а лестница в другой стороне. Ватага резко сменила курс, а я решил зайти в буфет, открытая дверь которого была в двух шагах.

Меня окликнули, но я не среагировал, потому что едва не столкнулся с Ярославом Васильевичем, он выходил из буфета.

— А, Слипенчук! — сказал он с неожиданной мягкостью и улыбнулся мне как своему собрату. — Давай своего «Барабанщика».

Не знаю, слышал ли Ярослав Васильевич уничижительные возгласы бунтующей ватаги?! Наверное, нет, но я смутился, чувствовал себя провинившимся. Он вспомнил, что у меня нет отпечатанных стихов.

Мы отошли от двери к коридорному окну с небольшим подоконником. Ярослав Васильевич был в несколько длинноватом коричневом костюме. Запустил руку в левый внутренний карман, вынул несколько листов бумаги, сложенных вдвое.

— Любая профессия требует профессионализма, — сказал он, облизывая губы. — В отличие от тебя, счел необходимым отпечатать свои стихи на машинке, чтобы зайти в редакции местных газет и предложить для публикации.

Он дал чистый лист бумаги, чтобы написал «Барабанщика», а сам опять пошел в буфет. Хлопнула дверь. Я оглянулся и с удивлением увидел плотно сбитого парня из нашей ватаги, который быстрым шагом удалялся в глубину коридора. Откуда он взялся?! И зачем прятался за дверью?!

Взяв стихотворение, Ярослав Васильевич сказал:

— Пиши стихи подобные «Барабанщику», с другими — не пробьешься.

А что было после?

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: После возвращения домой, в Рубцовск, я и думать не думал, что мое стихотворение «Барабанщик» будет опубликовано в газете «Литературная Россия» по свежим следам состоявшегося съезда молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Тем более с напутственным словом самого Смелякова.

Первым меня поздравил с публикацией член нашего литобъединения при газете «Коммунистический призыв» Лева Стрижкин. Он примчался под вечер на новеньком мотоцикле и, размахивая газетой, радостно прокричал: «У Михаила Светлова — «Гренада» и Маяковский, а у тебя — «Барабанщик» и Смеляков!»

Стихотворения, которые читал на семинаре Ярослава Васильевича, сегодня можно прочесть в книге стихов «Свет времени» (издание четвертое, исправленное и дополненное, 2019, с. 35, 22, 90).

В издательстве «Художественная литература» выходит собрание ваших сочинений в восьми томах. Как формировался корпус произведений?

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: Настолько красиво и фундаментально сформулирован вопрос, что я как солдат, механик-водитель средних танков (в прошлом, конечно), почувствовал, что мне сейчас надлежит выкатить нечто достойное, бронетанковое. Тем более что служил в сверхсекретном батальоне и не только обучался вождению на всех имевшихся на тот период танках, но и испытывал средний — индекс 437. Во всяком случае, по возвращении домой на вопрос «механик-водитель каких именно средних танков?» рекомендовалось отвечать — индекса 437. К сожалению, в моих прозаических произведениях служба в армии почти отсутствует. И вовсе не потому, что обходил военную тему, нет. Когда служил в армии, вообще не писал прозы — только стихи. Думаю, об армии у меня есть весьма хорошие поэтические строки.

Но вернусь к вопросу. Большинство писателей в моем возрасте мечтают издать собрание своих сочинений. И это нормально — подведение итогов. Буду откровенен — я не мечтал и даже испугался представившейся возможности. Был уверен, что не мое это дело. Придет время, потомки (внуки), говорящие на русском, английском, французском, китайском языках, и без меня издадут что-то стоящее. Главное — надо хорошо и много писать, чтобы побольше было этого стоящего.

Я с детства мечтал стать писателем. Писательское поприще мне всегда нравилось и нравится, а жизнь настолько способствовала развитию в этом направлении, что дело оставалось за малым — сесть и писать. И тут, погрузившись в работу, осознал, что частые выступления перед читательской аудиторией (по молодости хорошо читал стихи, и не только свои) мне вредят. Тем более всякие писательские тусовки хотя и приносят известность как автору, но по большому счету крадут время, мешают писать. И я стал избегать известности в любых ее формах. И время появилось, появилось для повседневной продуктивной работы.

Так что когда представилась возможность издать свое собрание сочинений, я испугался. Знал, что с прежней повседневной размеренной жизнью придется распрощаться, а я привык к писательству как способу жизни.

Хорошо помню свой первый разговор с Дарьей Георгиевной Пряхиной, корректором собрания сочинений. Было позднее утро, шел по территории МГУ — гулял. Вдруг телефонный звонок. Познакомились. Дарья Георгиевна потребовала, чтобы представил ей этот самый корпус произведений. Говорила строго, сообщила, что есть авторы, которые могут поднять спор из-за запятой. Она очень хорошо понимает таких авторов, но им не завидует. В общем, нагнала страху такого, что я сказал: «Может, не будем ничего затевать?!» Она не поняла, переспросила... Мое пояснение, видимо, озадачило ее. Помолчав, не сбавляя строгости, сказала, чтобы по каждому из восьми томов представил списки произведений, и разговор прервался.

Придя домой, задумался о списке. Собрание сочинений — для любого писателя дело серьезное, важное, и я — не исключение. Решил составить список, придерживаясь хронологии, то есть последовательности создания произведений во времени. В 1-й том — что было написано в самом начале, во 2-й — что потом и в такой последовательности до сегодняшнего дня. Особенно напрягала рубрика издательства — мастера русской прозы. Вообще-то я всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. Мои первые произведения — стихи. Но рубрика есть рубрика. Пришлось перенести поэзию в 7-й том. В творчестве любого писателя все взаимосвязано. Такого не бывает, что с четверга ты поэт, а с понедельника — прозаик или публицист. В формировании хронологии списка произошел сбой, но Дарья Георгиевна Пряхина приняла этот сбой как само собой разумеющееся, и мы с нею издали шесть томов.

Теперь Дарьи Георгиевны нет, в цвете молодых лет ушла из жизни. Мы с ней всегда работали по телефону и ни разу не встретились. Говорю об этом не только потому, что обида и горечь переполняют сердце, а потому что сегодняшний день во все вносит свои коррективы и ничего нельзя сформировать окончательно. Но почему-то никто не считается с этим.

Как формировался корпус произведений?! Воспользуюсь модным словечком — ЛЕГКО. ●